Толстяк нес ламу, я шел впереди по темному коридору, показывая дорогу. Не помню, сколько мы прошли, но в итоге добрались до дворика, где стояла статуя младшего брата. Странно, но за всю дорогу я не слышал ни звука, словно в храме никого не было.

Неужели события этого дня всех так вымотали, что даже ламы сладко спят?

Увидев статую, Толстяк опешил и чуть не пнул ее, посчитав за живого человека. Я вовремя его удержал, затем отыскал потайную комнату, с ноги открыл дверь и зашел внутрь.

Там было темно и все заставлено деревянными сундуками. Я плохо представлял себе обстановку внутри. Мы положили ламу на пол и при свете мобильника обыскали его, но ничего не нашли.

"Нищий!" — ругнулся Толстяк.

"Это же не труп в гробнице, на котором есть погребальная утварь, — упрекнул его я. — Ты вроде человек не бедный, почему всегда ведешь себя, как последний вор?"

"Тебе понятие тактичности не знакомо? И ты его так сильно приложил по голове: уверен, что он не умер? Так что ситуация здесь такая же, как и в гробнице".

Мое сердце бешено заколотилось: нет, не надо, я не хочу быть убийцей!

Толстяк продолжал: "Посмотри на его лицо: это ханец, а не тибетец. Может быть, кто-то из врагов третьего дяди выследил тебя?"

"Такой настырный враг третьего дяди, что шел за мной аж до подножья Гималайских гор?" И вообще, я плохо отличаю тибетцев от ханьцев. Разве что у народа канба довольно характерные черты лиц.

Толстяк связал ламу, нащупал пульс и сообщил: "Похоже, этому парню потребуется какое-то время, чтобы прийти в себя. Пойду гляну, как там дела у клана Чжан с немцами. А ты с этого гада глаз не спускай".

Сказав это, он собирался уйти, но я остановил его. В ответ на его удивленный вопрос, я возмущенно ответил: "Мне всегда достается роль няньки, и постоянно что-то случается. Хватит с меня. В этот раз следить за ним будешь ты, а я посмотрю, как там дела. И вообще, я этот храм знаю лучше, чем ты. Пойдешь без меня — до утра по коридорам блуждать будешь".

Толстяк задумался: "Ладно. Но будь осторожен, не дури там".

Я кивнул и вышел за дверь, бормоча себе под нос: "Не стоит волноваться, я уже не тот, что был прежде".

Все дорогу я крался, словно вор, но чувствовал облегчение. Я же теперь настолько крут, что могу приказать Толстяку охранять пленного.

Словно листая страницы памяти, я вспоминал бесчисленные часы, когда приходилось дежурить в лагере. Тогда я чувствовал себя беспомощным, изнывал от скуки и беспокойства и считал это бесполезной тратой времени. А еще в такие минуты меня охватывала масса эмоций, причиняя сильный дискомфорт.

Ай да У Се, тебя наконец, судьба перевела из стройбата в полноценный спецназ.

Выбравшись из заброшенной части храма, я вышел туда, где обычно было довольно многолюдно. Здесь надо быть осторожнее, прятаться в тени и передвигаться мелкими перебежками. Я даже представил себя в роли ниндзя.

Интересно, чем закончился сегодняшний бардак в храме? И что делают ламы? Неужели все крепко спят?

Может быть, они поставили возле дверей магическое оружие, чтобы настырные посетители им не мешали? Подумав, я решил, что самым логичным поступком старшего ламы было бы обращение в полицию. Но пока сюда доберется патруль, думаю, все трижды друг друга поубивать успеют.

Я уже добрался до того места, где люди из клана Чжан допрашивали меня, и замер в удивлении. Недавно там все было освещено яркими огнями, а сейчас помещение погружено в кромешную тьму. Ни единого источника освещения, только несколько пятен лунного света на полу.

Блять! Я чувствовал, как похолодело сердце. Почему тут так спокойно? И они тоже отправились спать? Их стрессоустойчивость просто поразительна.

Такое впечатление, что все эти люди были призраками Гималаев. Вот только делать этим призракам нечего. Они что, всей толпой спустились с гор лишь для того, чтобы попугать меня?

Неуверенно потоптавшись какое-то время снаружи, я понял, что должен войти внутрь и все осмотреть, иначе что скажу Толстяку? Если вернусь, он обязательно меня спросит, как дела. А я ему отвечу: "Все в порядке, все свалили в туман, и нам тоже пора сваливать". Да он просто от возмущения сдохнет.

Я осторожно пересек двор, местами ползком. К счастью, кто-то недавно подмел снег. Дверь была открыта, а все угольные печи внутри потушены.

Это действительно странно. Кажется, внутри никого нет. Когда я оказался у черты, где заканчивался лунный свет, мое сердце бешено забилось.

Я уже успел забыть, что такое страх. После всего, что мне довелось пережить, даже мучивший меня с детства страх темноты давно меня не беспокоил. В последнее время темнота мне даже кажется уютной: в ней можно спрятаться, она скорее защищает, чем пугает.

Но сейчас, зайдя внутрь, я занервничал. И это был не страх темноты, я опасался засады в этой темноте.

Я не решался идти вперед, потому что не видел, что там. Дотронувшись до угольной печи, я ощутил слабое тепло. Но, зачерпнув пригоршню углей, обнаружил, что они залиты часуймой.

Некоторое время прислушиваясь к тишине в комнате, я понял, что там, должно быть, никого нет.

Что же тут произошло? Может быть, после нашего ухода Чжаны собрались с силами и дали немцам понять, где раки зимуют?

С такими навыками клана Чжан это вполне возможно. Но им нет необходимости уходить после. А еще мы не слышали никаких выстрелов с этой стороны. Если мыслить логически, то дело было так. Чжаны сразу потушили огонь, а затем устроили драку. Допускаю, что они отлично

понимают друг друга без слов и легко могут ориентироваться в темноте. Но какой смысл тушить угольную печь?

Света от нее немного, а вот затушить печь непросто. Чтобы угли полностью перестали тлеть, надо огромный чайник часуймы туда вылить.

Тогда получается, что перевес был на стороне немцев?

Если они хотели расправиться с основными силами клана Чжан, то здесь была отличная возможность. Во-первых, никто не знал, что клан Чжан собрался в храме, даже если не все, то большая часть. Многих могли убить сразу в комнате, на остальных устроить засаду снаружи. Если это так, то в комнате должны лежать тела людей клана Чжан, убитые выстрелами в голову.

Из-за темноты я ничего не видел, но такое возможно. Однако, мне трудно было смириться с тем, что Чжан Хайсин тоже погибла.

Вообще-то, в воздухе не было запаха крови. Впрочем, я вообще никаких запахов не чувствовал. Не знаю, отчего, может перенервничал, но у меня словно нос заложило. Может, слишком замерз, когда шел сюда.

Сунув руку в карман, я нащупал зажигалку. Не знаю, как долго я не решался зажечь ее. Кажется, мои нервы дали серьезный сбой, я вообще потерял чувство времени. Но в конце концов щелкнул кремнем.

Слабый огонек осветил лишь часть комнаты. Я жутко волновался, но кровавой сцены так и не увидел.

В комнате никого не было, совсем никого. Только стулья и табуретки, расставленные так, как я помнил.

Осмотревшись повнимательнее, я убедился, что в комнате пусто, и зажег все масляные лампы, одну за другой. В помещении стало светло.

Никого.

Стреляных гильз и пулевых отверстий нигде нет.

Крови нет.

Они действительно все ушли? Эти мудаки решили, что я им больше не нужен? И тут у меня появилось дежавю.

Все люди клана Чжан, кто здесь был, исчезли? Точно, младший брат, твоя вредная привычка пропадать в самый интересный момент — это не твоя вина. Похоже, это у вас семейное. Генетическое заболевание, что ли? Но проблема в том, что такие вот внезапные исчезновения слишком пугают нормальных людей.

Размышляя об этом, я вышел во двор и вдруг сообразил, что по дороге сюда вообще никого не видел. Весь храм казался вымершим.